

На дневном занятии Нин Гуйчжу сказал ученикам, что с завтрашнего дня больше не будет приходить каждый день:

— Управляющий Цзиньтан, должно быть, сделает дальнейшие распоряжения. Я же буду заглядывать раз в три-пять дней, чтобы посмотреть, как идут дела.

Ученикам стало немного жаль, но они всё равно кивнули, показывая, что поняли.

Сказав это, Нин Гуйчжу велел всем продолжать ткать, а затем подозвал одну из них:

— Хуэй-нян, выйди на минуту.

Услышав это, Хуэй-нян поднялась из-за станка, нерешительно посмотрела на подругу рядом и, получив от неё подбадривающий взгляд, пошла следом за Нин Гуйчжу, который уже вышел из ткацкого класса.

— Учитель, вы меня звали...

Нин Гуйчжу жестом предложил ей отойти ещё немного в сторону и сказал:

— Я уже говорил о тебе Цзиньтану. Если ткачество не даётся, не надо тревожиться. Позже в ремесленной школе откроют и другие занятия, тогда ты снова сможешь учиться у меня.

Хуэй-нян поняла его доброту, глаза у неё слегка покраснели. Она глубоко вдохнула и отказалась:

— Спасибо, учитель. Я... я могу поискать другой способ заработать на жизнь, не беспокойтесь.

— Не упрямясь и не мучай себя, — с улыбкой сказал Нин Гуйчжу. — Кто знает, может, следующая техника, которую выберет господин уездный судья, как раз окажется тем, к чему у тебя есть способности.

Хуэй-нян рассмеялась, успокоилась и серьёзно ответила:

— Я не упрямлюсь. Просто за эти дни я поняла, что тонкая работа мне правда не даётся. Учитель, не волнуйтесь, я буду жить хорошо.

Увидев её состояние, Нин Гуйчжу расслабился и улыбнулся:

— Раз ты сама всё понимаешь, это хорошо.

Он уже хотел закончить разговор, но, подумав, всё же добавил:

— Навык всё равно полезен. Потом следи за занятиями в школе: если появится подходящее ремесло, попробуй поучиться.

— Хорошо!

Хуэй-нян с улыбкой согласилась и вместе с Нин Гуйчжу вернулась в класс. Увидев взгляд подруги, она улыбнулась ей, показывая, что всё в порядке.

Нин Гуйчжу велел Хуэй-нян продолжать ткать, сам сел на место, достал из корзинки тканевую ленту и продолжил шить повязку для волос, которую не успел закончить утром. Утром он уже обработал края повязки, а теперь оставил примерно полцуня ширины, лишнее срезал, вывернул тканевую полоску и аккуратно спрятал швы на обоих концах.

Простая однотонная повязка была готова. Нин Гуйчжу расправил её, несколько раз намотал на палец, чтобы с помощью такого нехитрого способа придать ткани форму.

Пока повязка приобретала форму, он поднялся и прошёлся проверить, как у учениц идёт ткачество. За это время все уже набили руку: линии на ткани выходили ровными, и такую материю вполне можно было продавать. Некоторые сообразительные ученицы даже начали вплетать цветные нити, создавая простые узоры.

Нин Гуйчжу некоторое время смотрел на узор благих облаков на ткани и похвалил:

— Теперь выходит всё красивее.

Ученица смущённо улыбнулась:

— Это всё благодаря учителю.

Узор дал Нин Гуйчжу, и когда она впервые добавляла цветные нити, он тоже объяснял ей нужные приёмы.

— Но и ты сама усердно училась, — ответил Нин Гуйчжу.

Он похлопал её по плечу, велел продолжать и пошёл смотреть работы остальных. Осмотрев всё, он вернулся на своё место и разматывал повязку с пальца. Однотонная грубая ткань выглядела немного просто. Нин Гуйчжу долго смотрел на неё, затем снова взял иглу с ниткой и начал вышивать скрытым швом узор на конце повязки.

Он не хотел прошивать обе стороны насквозь, но из-за этого вышивка занимала больше времени. К концу занятия узор получился длиной всего с палец.

Нин Гуйчжу потёр шею, поднялся, попрощался с ученицами и, взяв корзинку с рукоделием, вышел из класса. Сюн Цзиньчжоу стоял неподалёку с Маньтоу. Увидев Нин Гуйчжу, он улыбнулся, подошёл и забрал у него корзинку.

— Пойдём, домой, — сказал он и уже собирался помочь ему сесть на мула.

Нин Гуйчжу переплёл с ним пальцы:

— Хочу немного пройтись с тобой. Пусть и Маньтоу отдохнёт.

Маньтоу, которого целый день учили послушанию, обиженно фыркнул. Видя, что внимание Нин Гуйчжу переключилось на него, Сюн Цзиньчжоу улыбнулся и сказал:

— Ты же говорил, что без поводья он ходит как попало. Я сегодня немного его поучил. Не волнуйся, всё по обычным правилам дрессировки лошадей.

— А, — Нин Гуйчжу всё же доверял Сюн Цзиньчжоу. Он поднял руку и погладил Маньтоу по голове. — Хороший, послушный, пойдём домой.□□

Никто не знал о печали мула. Супруги, держась за руки, перед возвращением специально зашли к мяснику. Но сегодня им не повезло: когда они подошли к лавке, нормальное мясо уже распродали. Остались только голова и ребуха, даже уши кто-то уже срезал.

Нин Гуйчжу прикинул, как готовят свиную голову, и спросил мясника:

— Почём свиная голова? Можно взять не всю?

— Смотря как брать. Если я срежу мясо с кости - тридцать вэней за цзинь. Если вместе с черепом - двенадцать вэней за цзинь. Можно и половину, но меньше половины не режу.

Нин Гуйчжу в уме прикинул цену. С костями вроде выходило дороже, но зато череп можно взять домой и сварить бульон, а потом кости достанутся собакам.

— Тогда сначала взвесьте голову.

Мясник подвесил голову к весам, достал гири и, глядя на отметки, медленно передвинул грузик.

— Десять цзиней и два лян. Если заберёте всю, посчитаю ровно за десять.

Вся голова стоила сто двадцать вэней. Нин Гуйчжу немного помедлил, но всё же кивнул:

— Берём всю. Есть мешок? Заверните, пожалуйста.

— Без проблем!

Мясник ушёл искать мешок. Нин Гуйчжу уже собирался доставать деньги, как на разделочный стол легла связка медяков. Под взглядом Нин Гуйчжу Сюн Цзиньчжоу отсчитал ещё двадцать монет и только потом улыбнулся:

— Господин уездный судья выдал награду.

Нин Гуйчжу: «...»

Их уездный судья и правда богат. То и дело раздаёт серебро - неудивительно, что в древности подчинённые были такими преданными.

Мясник вынес свиную голову в мешке. Сюн Цзиньчжоу взял её и уложил на спину Маньтоу. Затем они, держась за руки, вышли из города, даже не направляясь к ослиным повозкам, а неспешно пошли в сторону деревни Сяохэ. За городом на дороге почти не было людей, и Сюн Цзиньчжоу немного ослабил повод, позволяя Маньтоу свободнее идти рядом.

Когда вокруг никого не оказалось, Нин Гуйчжу покачал их сцепленные руки и спросил:

— Сколько выдал уездный судья?

— Один лян, — Сюн Цзиньчжоу порылся у себя и достал кусочек серебра, вкладывая его в руку Нин Гуйчжу. — Я взял два цян медяками, здесь осталось восемь цяней серебром. Остальные медяки неудобно нести россыпью, дома отдам.

Нин Гуйчжу пару раз подбросил на ладони кусочек серебра и убрал его в кошелёк.

— Тогда эти восемьдесят вэней оставь себе и положи к своим карманным деньгам.

Сюн Цзиньчжоу растерянно моргнул:

— А? Карманные деньги нужно хранить отдельно?

Нин Гуйчжу повернулся к нему, и на его лице появилось недоверие:

— Только не говори, что твои карманные деньги лежат вместе с семейными сбережениями.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...

Он отвёл взгляд. Ну а зачем своей семье разделять деньги? Ха-ха.

Нин Гуйчжу на мгновение лишился дара речи. Это совсем не совпадало с тем, что он слышал раньше. Разве не говорили, что женатые мужчины обычно тайком прячут зачатки? Почему же Сюн Цзиньчжоу, наоборот, складывает свои карманные деньги в общие накопления?

Серьёзно подумав пару секунд, Нин Гуйчжу решил, что это просто разница эпох, и сразу выбросил эту мысль из головы.

— Завтра сошью тебе большой мешочек. Будешь сам хранить в нём свои карманные деньги. На накопленное сможешь покупать всё, что захочешь, я вмешиваться не буду.

Сюн Цзиньчжоу протянул:

— М-м, хорошо.

Хотя ему казалось, что если он захочет что-нибудь купить, Гуйчжу и так даст деньги из общих запасов, но отдельные накопления тоже звучали неплохо. Иногда можно будет купить Гуйчжу что-нибудь, на что тот сам не решится потратиться.

Так настроение у обоих снова улучшилось. Держась за руки, они вернулись домой, наспех поздоровались с домашними и вместе с Маньтоу пошли к себе.

Во дворе.

Даван и Эрцай неизвестно где раздобыли лягушку и теперь лаем пугали её ради забавы. Услышав, что хозяева вернулись, они ненадолго подняли головы в знак приветствия, но почти сразу снова сосредоточились на лягушке: хвосты размахивают, задницы задраны кверху, передние лапы вытянуты вперёд, а взгляды прикованы к добыче.

Нин Гуйчжу подошёл посмотреть. Лягушка бодро квакала и выглядела вполне живой, так что он просто пошёл дальше.

Вернувшись домой, они отпустили Маньтоу. Сюн Цзиньчжоу с мешком свиной головы сразу направился на кухню. Разложив покупки, он вышел обратно и положил на стол в спальне оставшиеся после покупки мяса восемьдесят вэней, которые всё это время носил за пазухой.

— Гуйчжу, свиную голову обрезать от костей?

— Угу. Займись этим, а я схожу к родителям и скажу, чтобы позже пришли попробовать. Да, и череп тоже разруби и положи в шкаф. Завтра сварим бульон, всей семье не помешает подкрепиться.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу похлопал себя по груди и с серьёзным видом сказал:

— По-моему, мне подкрепляться не нужно. — Помолчал и добавил: — Кажется, старшему брату тоже.

Его брат был даже крепче него. Если бы не кое-чему научился в военном лагере, он ещё не факт что смог бы одолеть старшего.

Нин Гуйчжу: «...»

Он погрузился в воспоминания, быстро из них выбрался и начал говорить с самым невинным видом:

— Если долго работать, в теле могут остаться скрытые боли и повреждения. Лучше с самого начала хорошо подпитывать организм, чтобы в старости не тратиться на болезни.

Сюн Цзиньчжоу помолчал две секунды и решил, что Нин Гуйчжу прав. Всё равно мясо есть - какая разница, по какой причине. Супруги молча пришли к согласию: Сюн Цзиньчжоу пошёл разделывать свиную голову, а Нин Гуйчжу сбегал в передний дом предупредить домашних и попросил подготовить немного перца и зелёного лука. Вернувшись, он сначала приготовил ужин для собак и Маньтоу.

Когда они принесли свиную голову в передний дом, каша уже была сварена, дикие овощи заправлены соевым соусом, а на столе лежали вымытые и нарезанные сушёные перцы и зелёный лук.

Нин Гуйчжу засучил рукава и принялся за дело. Он вскипятил воду, бланшировал нарезанное мясо свиной головы, вынул его, слил воду, снова просушил котёл, налил масло и, когда оно разогрелось, отправил мясо обратно жариться. Когда поверхность слегка зарумянилась, добавил соевый соус для цвета и аромата. Затем пошли соль и перец, а когда поднялся острый запах, он добавил зелёный лук и быстро всё перемешал.

Аромат становился всё гуще. Не только те, кто был на кухне, но и большие с малыми снаружи

уже не выдерживали и заглядывали внутрь.

— Мясо со свиной головы так вкусно пахнет... — Сюн Чуаньшуй сглотнул слюну, а Сюн Цзиньбо и Сюн Иньинь рядом энергично закивали.

Сюн Цзиньчжоу самодовольно сказал:

— А вы посмотрите, кто его готовит.

Дети хором ответили:

— Но ведь готовишь не ты, дядя!

Сюн Цзиньчжоу: «...Тц».

Услышав их возню, трое на кухне подняли головы и рассмеялись.

— Ладно, идите умываться, скоро есть.

— Хорошо! — трое детей тут же умчались вперёд.

Оставшиеся отец с сыновьями переглянулись и тоже пошли следом. Увидев их движение, Сюн Цзиньпин повысил голос:

— Колодец не трогать, дождитесь нас!

— О-о, — Сюн Чуаньшуй сразу убрал уже потянувшуюся руку.

Пока они умывались и приводили себя в порядок, Лю Цюхун и Ван Чуньхуа вынесли из кухни кашу и блюда. Нин Гуйчжу переложил всё жареное мясо свиной головы из котла, затем налил туда немного воды - в очаге ещё горели дрова, так потом будет легче отмыть.

Мясо поставили на стол. Когда каждому налили по чашке каши, все взяли палочки и почти одновременно потянулись к стоящему в центре блюду. Жареная свиная голова получилась мягкой, душистой, с насыщенным солоноватым вкусом, лёгкой остротой и ароматом зелёного лука. Стоило попробовать один кусок, как во рту сразу собиралась слюна, и хотелось чуть ли не язык вместе с ним проглотить.

Слишком уж вкусно!

Редкий случай - сегодня никто даже не притронулся к холодной закуске из диких овощей. Под эту миску жареного мяса вся семья подчистую съела большой котёл каши, а когда палочки наконец отложили, всё ещё чувствовала, что хочется ещё.

— Свиную голову так готовить и правда ароматно, — с чувством вздохнул Сюн Шишань. — Когда начнётся страда, давайте купим ещё несколько раз и приготовим пару раз?

Говоря это, он смотрел прямо на Нин Гуйчжу, и на лице его было сплошное ожидание. Впрочем, не только у него - остальные смотрели почти так же.

Нин Гуйчжу и сам слегка пристрастился к этому вкусу, поэтому без колебаний ответил:

— Без проблем. Когда начнутся полевые работы, готовку в доме оставьте мне.

Услышав это, вся семья обрадовалась. Но страда была ещё впереди. С весеннего сева прошло всего два месяца, рисовые стебли на полях пока стояли низкими, до жатвы оставалось немало времени.

Поболтав немного, Сюн Цзиньчжоу рассказал, что Нин Гуйчжу теперь какое-то время не нужно каждый день ездить в уезд, и с улыбкой добавил:

— Если потом пойдёте собирать дикорастущую зелень, не забудьте позвать Гуйчжу - вдруг он тоже захочет.

Ван Чуньхуа весело сказала:

— Ты прямо заболел заботой. Не волнуйся, если будет дело, обязательно позовём Чжу-гера с собой.

Сюн Цзиньчжоу ничуть не смутился из-за поддразнивания. Его опущенная рука легонько зацепила пальцы Нин Гуйчжу, а в глазах всё никак не сходила улыбка.

Когда холодная вода в чашах была допита, посиделки после ужина закончились. Семье Сюн ещё нужно было прибрать дом, а Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу, держась за руки, вернулись к себе. Едва войдя во двор, Нин Гуйчжу потянул его в спальню:

— Пойдём-пойдём, пересчитаем наши деньги. Я уже почти не понимаю, сколько у нас осталось.

— И спрятанную часть тоже достать? — Сюн Цзиньчжоу широким шагом последовал за ним.

— Достань. Потом, возможно, ещё немного туда добавим.

Разговаривая, они дошли до спальни. Нин Гуйчжу достал деньги из сундука, а Сюн Цзиньчжоу вытащил спрятанное серебро из угла под кроватью. Тяжёлые слитки высыпались из тканевого мешка и легли на стол, сияя ослепительным серебряным блеском - один вид уже радовал сердце.

Нин Гуйчжу отодвинул ткань, сел напротив Сюн Цзиньчжоу и сперва отобрал крупные серебряные слитки, откладывая их в сторону. Из тех ста лян, что раньше пожаловал уездный судья, Нин Гуйчжу взял десять на лекарства, но потратил только три ляна и шесть цяней. Теперь, естественно, нужно было восполнить недостающую часть из мелкого серебра.

— Цзиньчжоу, прикинь, это десять лян? — Нин Гуйчжу вложил серебро ему в руку.

Сюн Цзиньчжоу взвесил на ладони:

— Примерно так.

Он положил эти десять лян к остальным слиткам и сказал:

— Может, купить дэнцзы? Потом серебро удобнее будет взвешивать.

Дэнцзы, или дэнчэн, - маленькие весы для взвешивания ценных вещей или лекарств.

Нин Гуйчжу по его словам догадался, зачем они нужны, и спросил:

— Дорого? Если дорого, потом купим. В повседневной жизни мы всё равно чаще медяками пользуемся.

— М-м, недёшево, — сказал Сюн Цзиньчжоу.

Услышав это, Нин Гуйчжу тут же выбросил мысль из головы:

— Не надо, не надо. На руке тоже довольно точно можно прикинуть.

Глядя на его бережливый вид, Сюн Цзиньчжоу улыбнулся ещё шире, сказал «хорошо» и продолжил считать лежащие перед ним медяки.

Сто лян лежали отдельно, но стол всё равно был завален серебром и медяками. Из прежних накоплений Сюн Цзиньчжоу оставалось больше тридцати лян, ещё двадцать два ляна дали родители. Нин Гуйчжу округлил сумму до пятидесяти лян и положил вместе с теми ста

лянами, а оставшиеся семь с лишним убрал в маленький кошелёк.

Разобравшись с крупными суммами, он вместе с Сюн Цзиньчжоу принялся считать медяки и мелкое серебро.

— Один, два, три... триста тридцать два, триста тридцать три...

Монета за монетой падали сквозь пальцы в бамбуковую корзинку. Даже ветер, проникавший в комнату, казался особенно свежим и приятным. Свет постепенно тускнел. Нин Гуйчжу записал число медяков в корзинке, быстро встал, зажёл масляную лампу, поставил её посреди стола и снова сел считать.

Обычно они не обращали внимания и ради удобства брали с собой мелкое серебро, а возвращались с медяками. Незаметно в сундуке накопилось больше тысячи пятисот медяков. Остальное составляли серебряная мелочь. Если сложить всё вместе, да ещё прибавить восемь цяней от сегодняшней награды Сюн Цзиньчжоу, набиралось больше восьми лян мелких денег.

Сюн Цзиньчжоу отделил оттуда свои карманные деньги - всего один цянь и семьдесят семь вэней. Тоже немало.

— Как много, — Нин Гуйчжу смотрел на полный стол денег, напевая тихую мелодию, и сложил сто пятьдесят лян в большой мешок. — Цзиньчжоу, может, спрячем это в погребке? Без особой нужды эти деньги трогать не будем.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу взял мешок и пошёл на кухню. Нин Гуйчжу потряс мешочек с семью с лишним лянами, подумал, затем добавил туда немного мелкого серебра со стола, округлив до десяти лян, и спрятал под кровать. Так снаружи осталось чуть больше шести лян. Нин Гуйчжу убрал серебро в маленький кошелёк, нанизал рассыпанные медяки на верёвку и всё вместе снова положил на дно сундука. А карманные деньги Сюн Цзиньчжоу он не тронул.

Когда тот вернулся, Нин Гуйчжу сказал:

— Цзиньчжоу, свои карманные деньги сам куда-нибудь убери.

Сюн Цзиньчжоу подцепил пальцем мешочек с мелочью, покачал его и небрежно сунул в маленький шкафчик у изголовья.

— Чжу-гер, я положил деньги сюда.

— Хорошо, — Нин Гуйчжу предоставил ему решать самому.

Досчитав деньги, Нин Гуйчжу почувствовал редкое душевное и телесное облегчение. Напевая, он вместе с Сюн Цзиньчжоу пошёл на кухню греть воду и мечтательно сказал:

— Когда у нас снаружи накопится тридцать лян, наймём людей и обнесём двор стеной.

Низкая бамбуковая изгородь, конечно, выглядела красиво, но особого чувства безопасности не давала. Пусть сейчас все и боялись Сюн Цзиньчжоу, но нельзя же надеяться, что будут бояться вечно. А если вдруг случатся бедствия или голодные годы, то пусть уж не убийства с грабежами, но мелкое воровство точно появится.

Сюн Цзиньчжоу протянул:

— М-м... на дворную стену много не уйдёт. Можно и сейчас нанять людей.

— А? — Нин Гуйчжу повернул голову. — Разве кирпичи не очень дорогие?

Сюн Цзиньчжоу не ожидал, что он хочет стену из серого кирпича, и на мгновение замер:

— Кирпичи и правда дорогие. Больше ста вэней за штуку.

Сказав это, он подумал, что Нин Гуйчжу, возможно, просто не знает, и взял его за руку:

— Дворную стену можно сложить из камня. Позовём каменщика - выйдет больше чем вдвое дешевле кирпичной.

Услышав цену кирпича, Нин Гуйчжу уже было сник, но после слов Сюн Цзиньчжоу в голове у него действительно всплыл образ каменной стены. Кажется, в детстве он такие видел. Правда, в памяти каменные стены были ветхими и развалистыми. Нин Гуйчжу спросил:

— А из камня прочно? Не развалится?

Ведь поверхности у камней неровные.

— У отца с матерью дворная стена как раз каменная, — сказал Сюн Цзиньчжоу.

Глаза Нин Гуйчжу сразу загорелись. Он выпрямился:

— Тогда давай делать каменную стену. Наш двор побольше, как думаешь, сколько выйдет?

— М-м... три-четыре ляна?

Дорого.

У Нин Гуйчжу сердце обливалось кровью, но, представив себе чувство безопасности за оградой, он всё же сказал:

— Давай построим. Когда двор будет обнесён стеной, достаточно будет просто запирасть ворота, и станет гораздо спокойнее. И Цзиньбо с остальными тремя не придётся здесь дежурить.

Он продолжал бормотать:

— Я раньше ещё переживал. А вдруг действительно придёт какой-нибудь вор? Что, если пострадают Цзиньбо и остальные?

Все трое детей были ещё совсем маленькими. Если бы они получили травму, охраняя их дом, Нин Гуйчжу потом замучился бы угрызениями совести.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу погладил его по голове и притянул к себе:

— Ты так переживал, а почему ни разу мне не сказал?

— Такие вещи говорить - плохая примета. Лучше не накликай беду.

Раньше Нин Гуйчжу не особенно верил в подобные запреты, но теперь, когда сам оказался человеком, переселившимся в другой мир, кто знает, что возможно? Вдруг начнёшь слишком много говорить и действительно навлечёшь несчастье. Он не то что вслух произносить не решался, даже думать об этом боялся слишком долго.

Сюн Цзиньчжоу беспомощно улыбнулся, наклонился и поцеловал его в макушку:

— Чжу-гер прав.

На плите закипела вода. Умывшись, они вернулись в спальню. Поскольку на следующий день можно было отдыхать, руки Сюн Цзиньчжоу, обнимавшие Нин Гуйчжу, постепенно стали вести себя всё менее прилично. Нин Гуйчжу пару раз попытался его оттолкнуть, но в конце концов сам не устоял перед соблазном и ответил взаимностью.

Они не уgomонились до самой полуночи. Потом обтёрлись и лишь тогда, измученные, погрузились в глубокий сон.

На следующее утро Сюн Цзиньчжоу поднялся только тогда, когда солнце уже залило комнату светом. Зевая, он аккуратно подоткнул Нин Гуйчжу одеяло, оделся и вышел из спальни.

Прищурившись, он начал прикидывать планы на день.

Сначала привести в порядок уборную.

Потом найти каменщика и договориться насчёт дворовой стены.

Умывшись, Сюн Цзиньчжоу поставил кашу вариться на плиту, после чего поспешно покинул двор и направился в деревню, где жил каменщик. Он хотел успеть решить вопрос со стеной до того, как Нин Гуйчжу проснётся.

<http://bllate.org/book/14958/1659743>